

— «Прикрываться императором, чтобы помыкать князьями»? С чего ты это взял? — спросил Хуа Тянь.

— С тех пор как этот заклинатель у нас объявился, император совсем забросил государственные дела, — трактирщик говорил всё смелее, уже не таясь. — Передал ему все бразды правления, и теперь тот крутит всеми как хочет. Вся власть у него в руках — и при дворе, и в провинциях. Сдаётся мне, недолго нашей династии Сюй осталось.

— Старик, не хорони империю раньше времени, — усмехнулся Хуа Тянь.

Раз уж дедушка Хуа Тянь лично прибыл распутать это дело, династии Сюй пока рановато ложиться в гроб.

Хозяин постоялого двора медленно кивнул.

— Погляжу я на вас, молодой господин — вы явно не из простых людей. Пожалуй, поверю вам на слово. Буду жить и своими глазами погляжу, куда повернёт судьба нашей империи.

— Смотри только, не отправься в Западный рай раньше времени, — Хуа Тянь невольно забеспокоился о здоровье хозяина. Тот выглядел совсем дряхлым, его жизненный путь явно близился к закату.

— Кости у меня ещё крепкие, — старик расправил плечи, и голос его прозвучал неожиданно бодро и звонко. — Ещё лет двадцать проскриплю, не сомневайся!

Хуа Тянь хмыкнул — старик не врал, силы в нём действительно хватало.

— Ладно, сейчас устрою вас. Выделю четыре лучшие комнаты, — трактирщик махнул рукой стоявшему поодаль слуге. Смышлёный паренёк тут же подскочил ближе и протянул гостям четыре деревянные плашки-ключи.

— Хозяин, не стоит, — Чжун Ли не прикоснулся к ключу, нахмурившись от беспокойства. — Нам здесь оставаться опасно. Мы навлечём на вас беду.

— Эка невидаль! — благодушно отмахнулся старик, выказывая редкое великодушие. — Нашёл кого пугать. Я своё отжил, одной ногой в могиле стою и дороги к Жёлтым источникам давно не боюсь. Так что устраивайтесь и ни о чём не думайте.

— Хозяин, за это не переживай! — растроганно выпалил Хуа Тянь, не подумав. — Я лично позабочусь, чтобы в Подземном царстве для тебя приберегли местечко получше.

— Чего?.. — хозяин озадаченно воззрился на него, приоткрыв рот.

Чжун Ли мгновенно сориентировался и зажал болтуну рот ладонью.

— Он имел в виду, — поспешно заговорил мечник, заискивающе улыбаясь, — что у такого благородного человека, как вы, загробная участь просто обязана быть счастливой. Наверняка на том свете вас ждёт достойный приют.

— Ха-ха, твоими бы устами да мёд пить, — старик покачал головой, так до конца и не разобравшись в странных речах постояльцев, но решив не вдаваться в подробности.

— Хозяин, нам с Цзянь Цзянем хватит одной комнаты на двоих. Этот ключ заберите, — Хуа Тянь протянул одну из плашек обратно трактирщику.

Хозяин постоялого двора прищурился, оценивающе разглядывая парочку. Цзянь Цзянь, хрупкий и нежный, словно юная девица, робко жался к спутнику, обвив его руку своими тонкими пальцами. Сам Хуа Тянь — статный, видный мужчина с благородными чертами лица, так и пышущий молодой силой... Да и возраст у обоих самый подходящий, кровь так и играет в жилах...

— Ха-ха-ха, понимаю, дело молодое, — понимающе усмехнулся трактирщик, охотно забирая плашку. — На своём веку я всякого повидал, так что судить вас не стану. Располагайтесь.

Хуа Тянь озадаченно переглянулся с Цзянь Цзянем, но юноша лишь растерянно захлопал ресницами и покачал головой. Станный какой-то дед.

Все четверо поднялись наверх. Разложив вещи по комнатам, они собирались сойтись вместе и обсудить, как пробраться в императорский дворец.

— Молодой человек, стой, — негромко окликнул Чжун Ли хозяин, когда тот уже собирался подняться вслед за остальными. — У меня есть к тебе разговор. Наедине.

Чжун Ли вопросительно взглянул на Хуа Тяня. Тот едва заметно кивнул, давая понять, что всё в порядке, и мечник последовал за хозяином в дальнюю часть таверны, скрытую за плотной занавесью.

— О чём вы хотели поговорить? — прямо спросил Чжун Ли, не спеша расслабляться. Опыт наёмника научил его держать ухо востро в любой ситуации.

— Чжун-дася, не позволишь ли мне взглянуть на твои клинки? — без лишних предисловий перешёл к делу старик.

Ладонь Чжун Ли сама собой легла на эфес. Пальцы сжались до побелевших костяшек. В груди поднялась глухая тревога. Откуда простому трактирщику знать о его оружии? Те немногие, кто в былые времена мог узнать легендарные «Три Снега», давным-давно гнили в безымянных

могилах, оставив после себя лишь истлевшие кости.

— Не взыщи, хозяин, — холодно ответил он, покачав головой. — Рад бы услужить, да только клинки эти — нрава крутого и своенравного. Они признают лишь одного хозяина. Окажись они в чужих руках — жди беды. Острые лезвия шутить не любят.

Почувствовав, как сгустилось напряжение, хозяин поспешил поднять ладони в примиряющем жесте и мягко улыбнулся:

— Чжун-дася, не пойми меня превратно. Злого умысла у меня нет.

Чжун Ли продолжал буравить его тяжёлым взглядом. Тот, кто ведал о «Трёх Снегах», не мог не знать и его собственного прозвища — Призрачная Рука. А людей, способных без дрожи в голосе стоять лицом к лицу с палачом и хладнокровно вести беседу, во всём мире оставалось слишком мало.

Поняв, что мечник не намерен расслабляться, старик печально усмехнулся и продолжил:

— Ещё в глубоком детстве судьба свела меня с одним из этих клинков. На память осталась отметина, которую не стереть до гробовой доски.

Он медленно засучил рукав просторного халата и протянул вперёд руку, покрытую тёмными старческими пятнами. Через всю ладонь тянулся уродливый, стянувший кожу шрам, словно след от глубокого, разрывавшего плоть удара.

Чжун Ли невольно затаил дыхание, вглядываясь в изувеченную плоть. Сам он завладел легендарными клинками больше столетия назад. Мечи за долгие годы сменили десятки владельцев, кочуя из рук в руки, растворяясь во тьме и вновь являясь миру. Ему самому пришлось исходить три мира вдоль и поперёк, чтобы наконец собрать воедино разрозненные реликвии. Разумеется, он не имел ни малейшего представления о том, чью кровь они проливали до того, как признали его своим хозяином.

— Дело было без малого сто лет назад, — негромко начал свой рассказ старик, устремив тусклый взор куда-то сквозь пространство. — Мой покойный батюшка умудрился выкупить на чёрном рынке диковинный меч. Люди поговаривали, будто это один из клинков безжалостного демона Чжун Ли — того самого потрошителя, что силой своего оружия когда-то подмял под себя все кланы цзянху, вырезал под корень род Цзян и бесславно пал в Цзянлине.

— Отец прекрасно знал, какую страшную беду таит в себе этот клинок — «Кровавый Снег». Он запер его глубоко под землёй, в ледяном склепе, надеясь, что проклятая сталь никогда не увидит света. Но мы с моим старшим братом изнемогали от любопытства. Мы выкрали ключи, спустились в подземелье, чтобы хоть краем глаза взглянуть на диковину... Стоило брату коснуться ладонью рукояти «Кровавого Снега», как из ножен вырвалось удушливое чёрное марево и окутало его с ног до головы, — старик внезапно умолк. На его изборождённом

морщинами лице проступил застарелый, леденящий душу ужас. Время оказалось бессильно: даже спустя сотню лет эти воспоминания заставляли его бледнеть.

— Чёрный туман клубился вокруг него, проникая под кожу, отравляя разум. Брат в одно мгновение лишился рассудка. С диким звериным рыком он бросился на меня, замахнувшись мечом. Я в ужасе закрылся руками, и лезвие насквозь пробило мою ладонь. В самый последний миг в его глазах, подёрнутых безумием, мелькнул проблеск сознания — он оттолкнул меня и приказал бежать. Я спасся лишь чудом. Но наши близкие... Когда я вернулся, в живых не осталось никого. Вся усадьба была залита кровью. А посреди двора лежал мой брат — мёртвый, с растёкшейся по лицу чёрной кровью, хлынувшей из глаз, ноздрей и ушей. «Кровавого Снега» нигде не было. Сколько я ни обыскивал каждый закуток, проклятый клинок бесследно исчез, — по сморщенной щеке столетнего старика покатились скупая, мутная слеза.

Чжун Ли застыл, не в силах вымолвить ни слова. Тяжёлый ком подкатил к горлу. Чем он мог утешить этого несчастного старика, чью жизнь и семью растоптал проклятый металл? Но куда больнее ранило другое чувство — удушливая, глухая вина. Сколько безвинных жизней погубил он сам, когда крушил врагов своими клинками? Сколько невинной крови впитал этот проклятый металл? Зло, выпущенное им на волю много лет назад, расползлось по миру, калеча судьбы случайных людей даже тогда, когда оружие не принадлежало хозяину.

— Чжун-дася, я поведал тебе эту скорбную повесть лишь с одной целью, — старик утёр слезу краем рукава, быстро возвращая себе привычное хладнокровие — за долгий век он научился отпускать бывшие обиды и горести. — Будь осторожен. Береги душу. Не позволяй демонической скверне «Кровавого Снега» подчинить твой разум, иначе последствия будут ужасающими.

— Не сомневайся, хозяин, — Чжун Ли положил ладонь на эфес, пальцы его побелели от решимости. — Если настанет день, когда тьма вновь попытается подчинить меня, я своими руками сломаю эти мечи.

Почувствовав грозную решимость хозяина, клинки в ножнах едва заметно вздрогнули и зазвенели, но Чжун Ли резко надавил на гарду, заставив взбунтовавшееся оружие утихомириться.

— Верно мыслишь, — одобрительно кивнул старик. — Либо ты подчинишь эту сталь своей воле, либо сотрешь её в порошок. Третьего не дано.

— Иди, Чжун-дася, друзья заждались тебя. Ступай наверх, — хозяин устало прикрыл глаза, словно долгий разговор лишил его последних сил.

Чжун Ли молча отвесил хозяину глубокий, исполненный искреннего уважения поклон и медленным шагом направился к лестнице. На душе у него было тяжело.

Он ещё не успел подняться на верхнюю площадку, как до его слуха донеслись раздражённые, повышенные голоса. В комнате разгорался нешуточный спор.

— Ты сделаешь это, и точка! — настойчиво чеканил слова Лань Цзыцзюнь.

— Я своего согласия не дам, и не проси! — вскипел в ответ Хуа Тянь.

— Да что у вас тут опять стряслось? — Чжун Ли распахнул дверь и замер на пороге.

Хуа Тянь и Лань Цзыцзюнь стояли друг против друга, тяжело дыша. Напряжение между ними было такое, что, казалось, тронь — и посыплется искры.

Из-за широкой спины Хуа Тяня испуганно выглядывал Цзянь Цзянь. На его глазах дрожали слёзы, а в самом взгляде читалась глубокая обида.

На появление Чжун Ли спорщики даже не обернулись. Словесная баталия разгорелась с прежней силой.

— Я не справлюсь, не смогу... — испуганно лепетал Цзянь Цзянь, отчаянно мотая головой и отмахиваясь от наседавшего Лань Цзыцзюня.

— Цзянь Цзянь, ты уже не первый день в Подземном царстве! Пора бы наконец научиться брать на себя ответственность и действовать самостоятельно, — Лань Цзыцзюнь шагнул вперёд, пытаясь вытащить упирающегося юношу из-за надёжной мужской спины.

Хуа Тянь рванулся наперерез, заступая дорогу Судье ада.

— Слишком велик риск! Даже если Цзянь Цзянь сдуру согласится, я этого не допущу. И решать тут мне!

— Да кто ты ему такой, чтобы запрещать?! — Лань Цзыцзюнь с силой оттолкнул его руку и упрямо вцепился в плечи Цзянь Цзяня. — Послушай меня, это ключ ко всему расследованию! Без тебя нам не обойтись. Ты должен пойти. Я обещаю, что ни на шаг от тебя не отступлю и защиту в случае беды!

В глазах Цзянь Цзяня заблестели слёзы. Он смотрел на Лань Цзыцзюня с такой немой мольбой и детской беззащитностью, что у любого другого дрогнуло бы сердце.

Хуа Тянь единым рывком вырвал Цзянь Цзяня из цепких пальцев Судьи ада, пряча за себя, и в ярости рывкнул:

— Да ты просто выкручиваешь ему руки! Силой заставляешь!

Чжун Ли поначалу хотел выждать и посмотреть, к чему приведёт этот спор, но видя, что дело

принимает скверный оборот и оба его спутника окончательно потеряли голову от злости, поспешил вклиниться между ними:

— Да успокойтесь вы! Стоило мне на мгновение отлучиться, как вы тут едва не подрались. Из-за чего весь сыр-бор?

В комнате воцарилось угрюмое молчание. Воспользовавшись паузой, Чжун Ли осторожно увёл Цзянь Цзяня подальше от разгорячённых спорщиков.

Теперь всё встало на свои места. Лань Цзыцзюнь умудрился посягнуть на самое дорогое сокровище грозного Владыки ада — хрупкого юношу, которого тот оберегал пуще зеницы ока. Вот Владыка ада и взбесился. Весь этот нешуточный конфликт разгорелся вокруг одной-единственной фигуры — Цзянь Цзяня.

<http://bllate.org/book/18412/1796509>